

СЕДЬМАЯ— ЛЮБИМАЯ

15 МАЯ 1968

С М Е Н А
г. Ленинград

...Костя познакомился с Аликом в небольшом городе во время гастролей. Алик был журналистом, показался симпатичным парнем. Они виделись довольно часто, много разговаривали, иногда спорили, но, в общем, сосуществовали мирно.

Потом Алик звонил ему, когда приезжал в Ленинград. Что-то в их разговорах стало нарабатывать Костю и даже раздражать.

Однажды Костя узнал, что Алик перебрался в Ленинград, оставил журналистику, но зарабатывает большие деньги, живет с удобствами и в свое удовольствие.

С тех пор Костя как-то не захотелось видеться с Аликом, он перестал вести с ним телефонные разговоры и считать его своим приятелем.

— Как он мог? — недоумевал и возмущался Костя. — Ведь журналистика, по-моему, как театр — на всю жизнь!..

Можно, конечно, решить, что этот эпизод не имеет никакого отношения к творческой биографии молодого актера Театра имени Комиссаржевской Константина Григорьева. Но мне кажется, что все-таки имеет...

ОДИН из его героев — Майлс Гендон — в спектакле «Принц и нищий» поет песню, где есть такие слова: «Ни к чему моя отвага, ум и опыт ни к чему, раз рука моя и шпага не нужны никому...».

Лихой и благородный, чуть насмешливый и храбрый Гендон не знает более приятного занятия, чем спасение и поддержка честных, умных и добрых людей. Актер относится к своему герою понимающе и доброжелательно. Он свободно и, я бы сказала, радостно живет его делами и приключениями. И мне видится в этом сам Григорьев.

Костя написал все песни к этому спектаклю. Очевидно, замысел, общий настрой представления — остроумного, удивительно современного по духу и отношению ко многим человеческим проблемам — был ему, Григорьеву, близок, симпатичен, и хотелось стать причастным к нему не только актерски.

Он вообще любит быть активно причастным ко всему, что происходит в его театре.

Григорьев «всегда ошутим», как говорят здесь о нем. Костя что-то пишет, спорит (даже ругается), не скрывает своих оценок, настойчиво отстаивает то, что ему нравится. Может быть, потому, что он точно знает, чего хочет.

Это у него с юности. Во всяком случае, по отношению и главному делу его жизни — к театру. Он шел к театру трудно. Иногда путанно. Прямо и в обход. Он бывал правым и виноватым, отчаянно уверенным и совсем безнадежным. Но он неизменно шел к театру и знал, что хочет именно этого.

Их было пятеро приятелей, ребят с одного двора. После школы все решили идти в ЛИИЖТ. Смешно, но из пятерых прошел в железнодорожный только Григорьев! Смешно, потому что копию аттестата Костя подал... в театральные.

Еще в школе он всегда участвовал во всех вечерах, сочинял «капустники», в 17 лет выучился играть на гитаре, стал писать песни...

Теперь Костя Григорьев может сказать, что любимая его профессия, наверно, уже седьмая! Он несколько лет работал на заводе и освоил профессии токаря, электросварщика и многие другие.

Впервые ошутимо увиделась его мечта о театре в студии Выборгского дворца культуры, где он прозанимался пять лет. Кого только не сыграл Костя за эти годы! Все как будто получалось хорошо, ярко и давалось легко, без особых трудов. Как будто обиженный на неудачу в институте талант решил доказать свою силу.

Но вдруг стало ясно: а ведь все эти многочисленные персонажи разных профессий, возрастов и характеров — просто Григорьевы. Чуть измененные, немного по-другому подкрашенные, но, в общем, Григорьевы. И вот ему, одному из ведущих артистов студии, однажды не дали роли Глухаря в спектакле «Два цвета».

— Я тебя не ставлю, — убил Костю режиссер Л. Менакер, — ты повторяешься из роли в роль, а

это своеобразный, сложный характер.

До сих пор (прошло уже, наверно, лет восемь) Костя помнит слово в слово всю роль Глухаря, помнит все мизансцены и подробности спектакля. Тогда он выпросил все же возможность подготовить эту роль и бросился в работу как одержимый. Хотя, пожалуй, слово «одержимый» не совсем верное: Костя много думал, искал, сознательно лепил образ. И это было настоящее творчество, потому что он перестал эксплуатировать свое умение легко, органически существовать на сцене, эффектно импровизировать и быстро схватывать внешние особенности роли.

Григорьев придумал интересную биографию для своего Глухаря, и все его поступки, поведение логично и жизненно вытекали из этой биографии. Серьезная актерская удача была отмечена.

Так Костя попал сначала в студию, а потом в труппу Театра имени Ленсовета. Там он сыграл в «Первом встречном», в «Тане», в «Опасном возрасте». Были интересные эпизоды и крупные роли. Довольно скоро в театральном мире и среди любителей театра Григорьев стал известен и замечен.

А потом опять — зигзаг... Взял вдруг и уехал в Москву: позарез захотелось показаться одному любимому режиссеру.

Григорьев не очень любит вспоминать сегодня то время, или потому, что оно было не из приятных, а может, теперь он иначе оценивает свои тогдашние поступки. В общем, пришлось ему три года жить без театра.

Когда два года назад он пришел показываться в Театр имени Комиссаржевской, Костя всерьез переживал: сможет ли, ведь три года не играл!

Он писал песни (помните: «Осторожно, листопад» и про дождь на Фонтанке, и дождь на Неве), выступал в телепередачах, написал пьесу «Пока я шел домой», а еще одну его пьесу поставил Театр музыкальной комедии — «Верка и алые паруса».

И вот теперь он снова актер. В спектакле «Дым Отечества» его Шурка принес с собой терпкую и чистую духовную атмосферу военных и послевоенных лет.

Ведущий в «Господине Пунтилле...» назван еще Личность от театра, и это так в действительности получается у Григорьева. Интересная личность и его Торчинов из «Физиков и лириков», молодой ученый с характером, неуживчивым и неудобным для слизняков, подхалимов и предателей.

А последняя работа Григорьева — шотландский парень Лолл в спектакле «Влюбленный лев» — особенно захватила молодого актера. Он много читал об английских тинейджерах, сам написал все песни Лолла, а потом учил играть на гитаре Юрия Овсянко, который исполняет эту роль в очередь с Григорьевым...

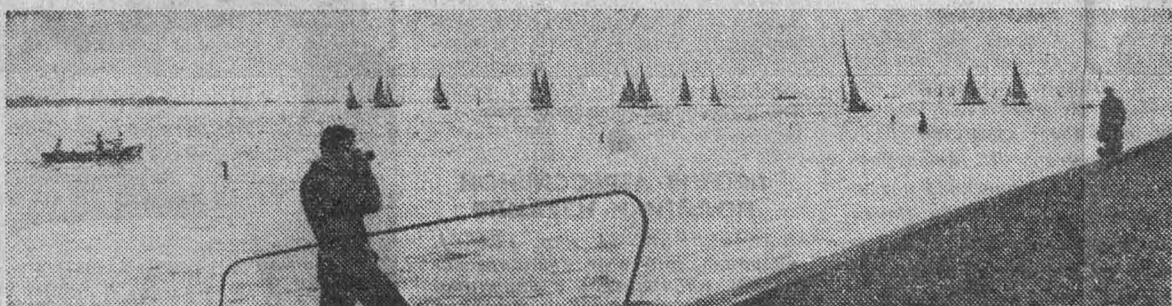
— Вы когда-нибудь видели Байдарские ворота?! — спросил Костя, и было непохоже, что ему уже тридцать лет, и что у него большой сын, и что скоро в Театре музыкальной комедии пойдет его вторая пьеса. Мы говорили о море, и выяснилось, что Костина мечта — яхта.

А мечты о какой-то определенной роли нет.

— Я хочу все играть. Хорошее!.. И еще хочу поставить что-нибудь научно-фантастическое. Например, «Ржавчину» Бредбери и еще несколько новелл...

Да, театр для него — на всю жизнь. Ясно, почему он не понял Алика...

Э. ЮЛИНА

Яхты у входа в залу.

Фото В. Попова